

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируются численность и состав генерал-губернаторского корпуса Российской империи по целому ряду позиций, определено их место в структуре административного управления страной, установлены объёмы властных полномочий и выделены уровни генерал-губернаторской власти. Установлена однотипность кадровой политики российских императоров в отношении этой группы высших администраторов, которая привела к её сословной замкнутости и корпоративности.

Ключевые слова: Россия, XIX – начало XX века, генерал-губернаторы, численность и состав.

Перестройка органов государственного управления в Российской Федерации, появление в их структуре федеральных округов, возглавляемых полномочными представителями президента, вызвала устойчивый интерес у исследователей к изучению опыта административной политики и практики, накопленного в историческом прошлом страны. Среди властных институтов имперской России их пристальное внимание привлёк институт генерал-губернаторов, оформившийся в годы правления Екатерины II, фактически ликвидированный Павлом I и вновь восстановленный его преемниками. Развивая традицию изучения истории государственного управления самодержавной России, заложенную такими авторитетными специалистами, как Н.П. Ерошкин [1, 2] и П.А. Зайончковский [3, 4, 5], отечественные историки и правоведы рассматривали этот властный институт с разных позиций. В ряде коллективных трудов и монографий генерал-губернаторы оценивались как проводники имперской политики в национальных окраинах России, сыгравшие прогрессивную роль в их административном обустройстве, развитии экономики, образования и культуры [6, 7, 8]. В других исследованиях отмечались и негативные стороны их практической деятельности, направленной на сохранение основ абсолютной монархии [4, 5, 10]. Так, например, П.А. Зайончковский считал, что «в тех губерниях, где существовал институт генерал-губернаторов, он образовывал искусственное средостение между губернской администрацией и верховной властью» [5, с. 145]. В последние годы была сделана попытка изучения эволюции этого властного института в обширных хронологических рамках XVIII – начала XX

веков, а так же в границах некоторых генерал-губернаторств [11–17], появился ряд основательных научных биографий генерал-губернаторов [18–24], отдельными учёными были сделаны попытки подвергнуть анализу их социокультурный облик [25–26]. Этой проблематике не чужды и современные зарубежные исследователи. В частности, американский историк С. Беккер отметил значительную роль генерал-губернаторов в деле интеграции периферийных территорий в российское имперское пространство [27, с. 329–342]. Другой исследователь из США – Дж. ЛеДонн в серии статей, опубликованных в Германии, выявил в их составе во второй половине XVIII – первой четверти XIX века наличие не только сословно-корпоративных, но и семейно-клановых связей [28, с. 56–88], [29, с. 161–183], [30, с. 321–340].

В XVIII – начале XX века институт генерал-губернаторской власти проделал определённую эволюцию. В последней четверти XVIII столетия генерал-губернаторы выступали в качестве политических представителей верховной власти, осуществлявшие надзор за системой местного управления с правом корректировки решений и действий губернских администраторов и судов. В первой четверти XIX века они стали органом надзора и управления, когда обе эти функции были совмещены и попеременно реализовывались в зависимости от конкретной ситуации. Во второй четверти XIX – начале XX века генерал-губернаторский корпус империи был обозначен в законодательстве уже как управленческий институт, как высший уровень местного управления, имевший свой особый канал связи с монархом. В «Учреждении для управления Сибирских губерний» 1822 года, «Общем

наказе гражданским губернаторам» 1837 года, «Общей инструкции генерал-губернаторам» 1853 года, последние были определены как высшие должностные лица местного управления. Позднее эта норма была закреплена в «Своде законов Российской империи», издания 1857 года, в котором генерал-губернаторы получили наименование «главные начальники губерний», а гражданские и военные губернаторы – «начальники губерний» [31, с. 151].

Изучение различных сторон социокультурного облика этой группы высших чиновников империи предполагает анализ ряда конкретных составляющих, таких, как место в иерархии власти, социальное происхождение, национальную и конфессиональную принадлежность, образование, возраст, опыт управленческой деятельности до назначения на должность, продолжительность пребывания в должности генерал-губернатора, дальнейшая служебная карьера. Объектом изучения и анализа стали служебные формуляры 203 генерал-губернаторов (наместников, главнокомандующих, главноуправляющих), выполнявших свои обязанности на постоянной основе. Наиболее компактно они сосредоточены в фондах Российского государственного военно-исторического архива [32–35], Государственного архива Российской Федерации [36–41] и Российского государственного исторического архива [42–47]. Конкретные данные, содержащиеся в них, были дополнены сведениями из биографической [18–24] и справочной [48–51] литературы. Обработка, систематизация и анализ указанной информации позволили избежать ряда стереотипов, сложившихся в отечественной историографии в отношении генерал-губернаторов как некомпетентных и в целом невежественных администраторов [52, с. 108–109; 5, с. 120–121, 144–149, 190–192], они заметно отличаются от данных, полученных современным исследователем этого вопроса [25, с. 211–215].

Практически все генерал-губернаторы имели чины I–III классов по «Табели о рангах» (генерал-фельдмаршалы, полные генералы, генерал-лейтенанты, генерал-адмиралы, адмиралы, вице-адмиралы, действительные тайные советники, тайные советники, обер-камергеры, шталмейстеры), что ставило их в чиновничьей иерархии в один ряд с высшими сановниками империи. Денежное довольствие этой категории оп-

ределялось чином, состояло из оклада, столовых, квартирных и командировочных денег. Оно было в 2 раза выше жалованья губернаторов, а у генерал-губернаторов, имевших чины I–II классов, сопоставимо с денежным содержанием министров. С учётом объема властных полномочий, делегированных монархами, задач, направлений и способов их решения в генерал-губернаторском корпусе можно выделить 4 управленческих уровня. Количественные характеристики каждого из них отражены в таблице 1.

Первый и самый высший из них составили наместники. Они представляли особу императора в отдалённых от столицы регионах, пользовались его неограниченным доверием, имели в своих руках неограниченную власть: законодательную, исполнительную (военную и гражданскую) и судебную. В отдельные периоды в структуре наместничеств учреждались генерал-губернаторства, руководители которых находились в прямом подчинении у наместников. Рекрутировалась эта группа из членов императорской фамилии, личных друзей монархов, опытных администраторов и талантливых военачальников, была немногочисленной (15 чел.), а в период правления Александра III была фактически упразднена. Второй уровень был представлен генерал-губернаторами, командовавшими в первой половине XIX века отдельными корпусами, а после военной реформы 1862–1874 годов – войсками военных округов. В подчинении у них находились губернаторы и начальники областей, как гражданские, так и военные (108 чел.). Они представляли сразу две ветви власти – военную и гражданскую и в большинстве своем были опытными военачальниками. Это был самый многочисленный отряд, который неуклонно увеличивался. На третьем уровне находились военные генерал-губернаторы, в прямом подчинении у которых находились гражданские администрации и полицейские формирования, но их распоряжения были обязаны выполнять все воинские начальники за исключением главнокомандующих. В их число входили генерал-губернаторы Санкт-Петербурга и Москвы, бывшие министры, перемещённые на генерал-губернаторскую должность, штатские чиновники, находившиеся на этой должности, но не имевшие генеральского чина. Так же, как и наместники, военные генерал-губернаторы были относительно немногочисленной группой (23 чел.). И, наконец, на самом нижнем уровне были генерал-

губернаторы, осуществлявшие руководство гражданскими администрациями и полицейскими формированиями, но не имевшие в прямом или косвенном подчинении воинские части (57 чел.). Эта группа была самой многочисленной при Александре I, затем стала неуклонно сокращаться, но в царствование Николая II вновь несколько выросла численно.

В сословном отношении генерал-губернаторский корпус представлял собой достаточно замкнутую группу (96% – дворяне).

Дворянская аристократия была представлена 88 великими князьями, светлейшими князьями, князьями, герцогами, графами, баронами и маркизами. Они составляли 43,3% от всего

генерал-губернаторского корпуса и, как правило, руководили наиболее крупными по численности населения и количеству войск военно-административными образованиями.

При этом нужно иметь в виду, что 8 генерал-губернаторов, получили титулы князя или графа в период пребывания в этой должности, что являлось знаком особой монаршей милости (И. Зайончек, А.А. Закревский, Ф.Ф. Берг, В.В. Левашов, Н.Н. Муравьев-Амурский, Н.Н. Муравьев-Карский, М.Н. Муравьев-Виленский, В.А. Перовский). Дворянская аристократия вместе с Романовыми и их родственниками (так же аристократами) занимала в генерал-губернаторском корпусе два высших уровня.

Таблица 1. Уровни генерал-губернаторской власти в Российской империи в 1801–1917 годах [18–24, 32–51]

Уровни властных полномочий	Периоды правления императоров									
	Александр I		Николай I		Александр II		Александр III		Николай II	
	1801–1825		1825–1855		1855–1881		1881–1894		1894–1917	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
1. Наместники	4	7,7	3	7,7	5	12,5	–	–	3	5,5
2. Генерал-губернаторы – командиры отдельных корпусов, военных округов (с 1862 г.)	21	40,4	13	33,3	25	62,5	14	82,4	35	63,6
3. Военные генерал-губернаторы	4	7,7	7	17,9	6	15,0	–	–	6	10,9
4. Генерал-губернаторы – руководители гражданских администраций	23	44,2	16	41,1	4	10,0	3	17,6	11	20
Итого	52	100	39	100	40	100	17	100	55	100

Таблица 2. Сословная принадлежность генерал-губернаторского корпуса Российской империи в XIX – начале XX века [18–24, 32–51]

Сословная принадлежность	Периоды правления императоров									
	Александр I		Николай I		Александр II		Александр III		Николай II	
	1801–1825		1825–1855		1855–1881		1881–1894		1894–1917	
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
1. Представители династии Романовых и их родственники	3	5,8	1	2,6	2	5,0	–	–	3	5,5
2. Светлейшие князья, князья, герцоги, графы, бароны, маркизы	23	44,2	19	48,7	21	52,5	6	35,3	8	14,5
3. Потомственные дворяне	24	46,2	19	48,7	17	42,5	8	47,1	41	74,5
4. Выходцы из низших сословий (священников, казаков, мещан и т.п.)	2	3,8	–	–	–	–	3	17,6	3	5,5
Итого	52	100	39	100	40	100	17	100	55	100

Потомственные дворяне составляли 109 чел. (или 53, 4%) и уступали дворянам-аристократам по численности в годы правления Александра I, Николая I и Александра II, но превзошли эту группу численно при Александре III и стали доминировать при Николае II (74,5%).

Выходцами из низших сословий (казаков, священников, мещан, крестьян) были 8 чел.: из крещёных крымских татар – А.Я. Рудзевич, из священников – М.М. Сперанский, из обер-офицерских детей – Г.П. Колпаковский, из мещан – Н.Л. Гондатти и С.П. Белецкий, потомком немецких крестьян-переселенцев был П.Ф. Унтербергер.

Для генерал-губернаторов было характерно численное доминирование представителей титульной нации. Однако его состав был в целом полиэтничен и включал представителей 19 национальностей: 109 русских, 33 немца, 14 поляков, 9 украинцев, 7 татар, 6 французов, 5 сербов, 5 грузин, по 2 чел. были представлены обрусевшие голландцы, итальянцы, шведы и шотландцы, по 1 чел. – также австрийцы, англичане, армяне, белорусы, калмыки, турки и финны. Конфессиональная принадлежность генерал-губернаторов свидетельствует о веротерпимости, характерной для Российской империи. В их рядах были 155 православных, 39 протестантов, 8 католиков и 1 униат [18–24, 32–51].

Образовательный уровень этой группы высших региональных администраторов был достаточно высок. Военные академии закончили 37 генерал-губернаторов, в том числе академию Генерального штаба 32 чел, высшее гражданское (главным образом, университетское) образование имели 29 чел, среднее военное – 72 чел, среднее гражданское – 16 чел, начальное или домашнее образование получили 38 чел. В служебных формулярах 11 из них сведения об образовании отсутствовали. В итоге, систематическое (среднее и высшее) образование получили 154 чел. из 203, или 76% от их общего числа [18–24, 32–51].

Следует отметить и еще одно немаловажное обстоятельство, прямо связанное с высоким образовательным и профессиональным уровнем генерал-губернаторского корпуса. За организацию систематического изучения вверенных в управление территорий, поддержку работы учёных почётными членами императорской (Российской) Академии наук были избраны 24

наместника и генерал-губернатора. В их числе А.И. Барятинский, Ф.Ф. Берг, М.С. Воронцов, А.Ф. Вюртембергский, С.К. Вязмитинов, Г.Х. Гасфорд, М.Д. Горчаков, Г.П. Гольштейн-Ольденбургский, А.П. Ермолов, П.Н. Игнатъев, А.А. Катенин, К.П. Кауфман, великие князья Константин Николаевич и Константин Павлович Романовы, В.К. Ливен, Д.И. Лобанов-Ростовский, М.Т. Лорис-Меликов, А.С. Меншиков, И.Ф. Паскевич, Г.В. Розен, М.М. Сперанский, С.Г. Строганов, Э.И. Тотлебен, Ф.Ф. Штейнгель. 42 генерал-губернатора внесли весомый личный вклад в развитие отдельных отраслей научного и военно-научного знания. В области географии, топографии и статистики значимые для своего времени работы осуществили Ф.Ф. Берг, С.Г. Броневский, М.Л. Булатов, А.О. Дюгамель, А.В. Каульбарс, В.К. Ливен, И.П. Надаров, А.Я. Рудзевич, Т.И. Тутолмин, П.А. Тучков, П.Ф. Унтербергер, Ф.Ф. Штейнгель, антропологии и этнографии – Н.Л. Гондатти, Н.И. Гродеков, правоведения – М.М. Сперанский, археологии – С.Г. Строганов, химии и минералогии – П.Р. Багратион, баллистике и артиллерии – А.П. Безак, И.Г. Бибииков, Н.А. Крыжановский, фортификации – Г.Х. Гасфорд, К.Ф. Модерах, Э.И. Тотлебен, П.Ф. Унтербергер, военной теории и истории – С.К. Гершельман, М.И. Драгомиров, Я.Г. Жилинский, А.Н. Куропаткин, Г.А. Скалон, В.А. Сухомлинов, Н.А. Сухотин, В.Н. Троцкий, военной педагогики – П.В. Голенищев-Кутузов, П.Н. Игнатъев, А.А. Кавелин, Н.Г. Казнаков, И.С. Каханов, Н.В. Клейгельс, Ф.Я. Миркович, А.В. Самсонов, А.П. Хрущов [18–24, 32–51].

При определении на генерал-губернаторский пост присутствовал фактор фаворитизма и протекции: В дружеских отношениях с императорами и великими князьями находился 21 будущий генерал-губернатор, у 12 из них отцы и братья занимали министерские посты. Однако решающими были не столько личные привязанности монархов и родственные связи, сколько наличие опыта административного управления и заслуг перед троном и Отечеством. До назначения на должность такой опыт приобрели 110 чел. (или 54,2%), в том числе в качестве министров – 8 чел, руководителей отдельных ведомств и департаментов министерств – 13 чел, глав наместничеств, генерал-губернаторств и временных генерал-губернаторств – 16 чел, губерниями уп-

равляли – 46 чел, областями – 20 чел, округом – 1 чел, городом – 6 чел. [18–24, 32–51].

Бесспорные заслуги на военной и гражданской службе имела другая группа, насчитывавшая 93 чел. Так за личную храбрость, проявленную на полях сражений, были награждены золотым оружием 84 будущих генерал-губернатора. Из них 20 чел. были удостоены этой награды дважды (герцог А.Ф. Вюртембергский, князя Д.В. Голицын, А.И. Бярятинский, А.Г. Щербатов, графы Ф.Ф. Берг, В.В. Левашов, И.П. Салтыков, бароны К.П. Кауфман, П.Е. Коцебу, А.Н. Лидерс, М.И. Пален, Г.В. Розен, П.К. Эссен, генералы Е.А. Головин, Н.И. Гродеков, А.П. Ермолов, Н.С. Сулима, В.Н. Троицкий, М.Г. Черняев). Санкт-петербургский генерал-губернатор М.А. Милорадович и наместник в Царстве Польском И.Ф. Паскевич получили эту высокую воинскую награду трижды [18–24, 32–51]. Умение находить правильное решение в экстремальных условиях военных действий служило веским основанием для монархов, полагавших, что в мирной обстановке на спокойном генерал-губернаторском посту опытные и храбрые военачальники окажутся на своём месте.

Навыки управления генерал-губернаторы приобретали во время службы в системе разных министерств и ведомств. В своей кадровой политике императоры полагались в первую очередь на возможности милитаризованных министерств: Военного министерства, Морского министерства, Министерства внутренних дел, а также Отдельного Корпуса жандармов. Из этих структур было делегировано в региональные руководители 181 чел, в том числе из армии – 135 чел., из военно-морского флота – 6 чел, из системы Министерства внутренних дел – 34 чел., Корпуса жандармов – 6 чел. Сугубо гражданских лиц в составе высших местных администраторов было немного – 7 чел. В их числе малороссийский генерал-губернатор князь А.Б. Куракин (1802–1807), сибирские генерал-губернаторы И.Б. Пестель (1806–1819) и М.М. Сперанский (1819–1822), финляндский генерал-губернатор Н.Н. Герард (1905–1908), иркутские военные генерал-губернаторы Л.М. Князев (1910–1915) и А.И. Пилыц (1916–1917), приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти (1911–1917).

Возрастной диапазон, в котором генерал-губернаторы вступали в эту должность, был весьма значительным. Он находился в преде-

лах от 25 до 70 лет включительно. Самым молодым в генерал-губернаторском корпусе империи оказался герцог Г.П. Голштейн-Ольденбургский, ставший тверским, новгородским и ярославским генерал-губернатором после заключения брака с великой княгиней Екатериной Павловной, сестрой императора Александра I. Самым пожилым был московский генерал-губернатор генерал от инфантерии П.П. Дурново, назначенный в 1905 году Николаем II в возрасте 70 лет, но смещённый с этого поста через 4 месяца. В наиболее работоспособном для администратора возрасте от 41 года до 60 лет находилось большинство генерал-губернаторов: 142 чел. из 203, или 70,1% [18–24, 32–51].

В то же время обращает на себя внимание процесс медленного, но неуклонного старения генерал-губернаторского корпуса. Самыми молодыми были его представители, получившие назначение в царствование Александра I (53,8% в возрасте до 51 года) и Николая I (43,6% в этом же возрасте). Многочисленные войны, которые вела Российская империя в конце XVIII – начале XIX века, способствовали быстрому продвижению отличившихся офицеров в ряды генералитета, а затем и в генерал-губернаторы. Однако военной реформой 60–70 годов XIX века в российской армии был закреплён цензовый порядок получения офицерами очередного чина. По этой причине к началу XX века наблюдалось заметное старение, как российского генералитета, так и той его части, которая служила генерал-губернаторами. Если в царствование Александра III генерал-губернаторы старше 60 лет составили 17,6% от общего числа назначенных, то в годы правления Николая II – уже 36,4% от числа назначенных при полном отсутствии в их рядах лиц моложе 41 года.

Если обратиться к анализу такого фактора, как продолжительность службы генерал-губернаторов с момента назначения на эту должность и до освобождения от неё, то обнаруживается следующая любопытная тенденция. Свыше половины генерал-губернаторов, получивших эту должность при Александре I, Николае I, Александре II и Александре III пробыли в ней 5 и более лет: 52%, 66,7%, 52,5% и 76,5% соответственно. Более других находился на этом посту новороссийский генерал-губернатор и одновременно наместник Кавказа светлейший князь

М.С. Воронцов (31 год). Далее следовали наместник в Царстве Польском светлейший князь И.Ф. Паскевич (28 лет), московский военные генерал-губернаторы князя В.А. Долгоруков (25,5) и Д.В. Голицын (23 года), генерал-губернатор Финляндии светлейший князь А.С. Меншиков (24 года). Однако по мере общего старения генерал-губернаторов наблюдался процесс сокращения их максимального пребывания в должности. Тенденция сокращения срока службы в генерал-губернаторской должности стала доминирующей в начале XX века в царствование Николая II. Из 55 назначенных этим императором лиц 31 чел, или 62%, имели срок пребывания в ней до 3-х лет, а со сроком службы свыше 10 лет не было ни одного генерал-губернатора [18–24, 32–51].

Немаловажным фактором, определившим не только профессиональный облик, но также место и роль генерал-губернаторов в системе административного управления империей, была их дальнейшая карьера после освобождения от должности. Из 203 генерал-губернаторов (наместников, главноначальствующих, главноуправляющих) 13 чел. стали министрами и руководителями отдельных ведомств, приравненных министерствам, 62 чел. получили назначение в Государственный совет, членами Военного совета стали 16 чел, сенаторами – 10 чел, руководителями карательных структур – 4 чел, были возвращены на военную службу – 24 чел. Таким образом, дальнейшая служебная карьера 129 генерал-губернаторов (или 61,7% от их общего числа) продолжалась вполне успешно. Полученный ими опыт управления крупными административными образованиями был использован в высшем эшелоне управленческой вертикали власти [18–24, 32–51].

При Александре I после пребывания на постах генерал-губернаторов на министерские должности были определены 4 чел. Военное министерство возглавил М.Б. Барклай де Толли, Главное ведомство путей сообщения и публичных зданий – герцог А.Ф. Вюртембергский, Министерство внутренних дел – князь А.Б. Куракин, а затем В.С. Ланской, министром юстиции и генерал-прокурором Российской империи стал князь Д.И. Лобанов-Ростовский. Герцог Э.О. де Ришелье, возвратившийся на родину во Францию, благодаря рекомендациям Александра I получил пост первого министра в прави-

тельстве короля Людовика XVIII и находился на этой высокой должности в 1815–1818 годах, а затем в 1820–1821 годах.

При Николае I Министерство внутренних дел оказалось в ведении бывших генерал-губернаторов А.А. Закревского, затем графа А.Г. Строганова, а последнего сменил на этом посту Д.Г. Бибиков. Граф В.В. Левашов после пребывания на постах киевского, подольского и волынского (1832–1835), а затем черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора (1835–1836) был назначен Николаем I председателем Государственного совета и Комитета министров Российской империи одновременно (1847–1848).

При Александре II генерал П.Н. Игнатьев после пребывания на постах витебского, смоленского и моголиевского генерал-губернатора (1853–1854), а затем Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора стал председателем Комитета министров (1872–1879) и получил за свою деятельность в 1877 году титул графа Российской империи. В 1866 году граф М.Н. Муравьев-Виленский, успешно справившийся с волнениями и восстаниями в Северо-Западном крае, был назначен председателем Верховной следственной комиссии по делу члена тайного революционного общества в Москве, студента Московского университета Д.В. Каракозова, совершившего покушение на Александра II.

Бывший наместник в Царстве Польском великий князь Константин Николаевич Романов к обязанностям военно-морского министра и председателя Адмиралтейского совета, по решению своего старшего брата – императора Александра II, добавил должность председателя Государственного совета. Великий князь Михаил Николаевич Романов был перемещен в 1881 году своим племянником Александром III с поста наместника Кавказа также на должность председателя Государственного совета. С 1883 года он стал одновременно членом Комитета министров. Обе эти должности Михаил Николаевич занимал до конца своей жизни. При императоре Николае II киевский, волынский и подольский генерал-губернатор В.А. Сухомлинов, успешно справившийся с революционным движением в генерал-губернаторстве, был назначен в 1908 году начальником Генерального штаба российской армии, а в 1909 году стал военным министром империи.

Жизнь 32 генерал-губернаторов оборвалась во время пребывания в этой должности. Из них 28 чел. умерли вследствие преклонного возраста, болезней, последствий от ранений и контузий, полученных на военной службе. Еще 4 генерал-губернатора были убиты в разные временные периоды. Во время русско-иранской войны в 1806 году под крепостью Баку был вероломно застрелен и обезглавлен главноначальствующий в Грузии и командир Отдельного Грузинского (Кавказского) корпуса князь П.Д. Цицианов. Пуля декабриста П.Г. Каховского оборвала жизнь военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга и столичной губернии графа М.А. Милорадовича в 1825 году. Кутаисский генерал-губернатор князь А.И. Гагарин во время ликвидации Сванетского княжества и введения в Сванетии прямого русского управления был убит в 1857 году местным князем Константином Дадешкилиани. В 1904 году в Гельсингфорсе (Хельсинки) был застрелен националистически настроенным террористом Эугеном Шауманом генерал-губернатор Финляндии генерал от инфантерии Н.И. Бобриков. Террор коснулся и бывших генерал-губернаторов. В 1905 году были убиты два бывших генерал-губернатора – великий князь Сергей Александрович Романов в Москве и граф А.П. Игнатьев в Твери.

Таким образом, деформация традиционного сословного деления общества, начатая в Рос-

сии «Великими реформами» Александра II в 60–70-х годах XIX века, практически не затронула высшее звено местной администрации, представленное генерал-губернаторами. Генерал-губернаторский корпус в сословном отношении был достаточно однородным и являлся крайне узкой социофессиональной группой. Так же, как для всего генералитета русской армии, для него была характерна замкнутость и корпоративность. Эта особенность была обусловлена особым положением генералов и адмиралов, как привилегированного слоя внутри вооружённых сил и государства. Ставка на профессиональные возможности дворян и, в первую очередь, дворян-аристократов, отличившихся на полях сражений, свидетельствовала об однотипности имперской модели кадровой политики всех российских императоров, начиная от Александра I и заканчивая Николаем II. В то же время вымывание из генерал-губернаторского корпуса аристократической части дворянства, наметившееся при Александре III (41,2% аристократов) и активно проходившее при Николае II (20% аристократов), лишало монархию её привычной и наиболее надёжной опоры. В общем итоге, в период кризиса монархической государственности, который пришёлся на начало XX столетия, Российская империя имела весьма постаревший генерал-губернаторский корпус, характерной особенностью которого была частая сменяемость должностных лиц.

13.03.2013

Список литературы:

1. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 4-е изд., переработ. и доп. – Москва: Высшая школа, 1997. – 252 с.
2. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX века) / Н. П. Ерошкин. – Москва: Мысль, 1981. – 252 с.
3. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. / П. А. Зайончковский. – Москва, 1964. – 218 с.
4. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.) / П. А. Зайончковский. – Москва, 1970. – 500 с.
5. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. – Москва: Мысль, 1978. – 288 с.
7. Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. – Москва: Славянский диалог, 1998. – 416 с.
8. Административно-территориальное устройство России. История и современность. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 320 с.
9. Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 389 с.
10. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): Сборник научных статей. – Москва, 1997. – 240 с.
11. Ремнёв, А. В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнёв. – Омск: Изд-во Омского ун-та, 1995. – 237 с.
12. Ремнёв, А. В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика второй половины XIX – начала XX веков: Монография / А. В. Ремнёв; Отв. ред. д-р ист. наук А. П. Толочко. – Омск: Омский ун-т, 1997. – 252 с.
13. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л. Е. Горизонтов. – Москва: Индрик, 1999. – 272 с.
14. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2-х томах. – Т. 1. Санкт-Петербургский гос. ун-т. Юридический факультет. – Санкт-Петербург, 2001. – 512 с.
15. Бирюков, С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917) / С. В. Бирюков. – Рязань, 2004. – 472 с.

16. Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ: Научное издание / А. А. Комзолова. – Москва: Наука, 2005. – 383 с.
17. Шандра, В. С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX століття / В. С. Шандра. – Київ: НАН України. 1н-т історії України, 2005. – 427 с.
18. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н. И. Дубинина. – Хабаровск, 1997. – 139 с.
19. Полвинен, Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. / Т. Полвинен; Перевод Г. Муравина. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 1997. – 319 с.
20. Матханова, Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск: изд. СО РАН, 1998. – 427 с.
21. Баязин, В. Н. Императорские наместники первопрестольной / В. Н. Баязин. – Москва: Тверская – 13, 2000. – 496 с.
22. Захарова, О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: Рыцарь Российской империи / О. Ю. Захарова. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2001. – 455 с.
23. Исмаил-Заде, Д. И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский / Д. И. Исмаил-Заде. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 511 с.
24. Итенберг, Б. С. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники / Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 688 с.
25. Лысенко, Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Лысенко. – Москва: Прометей, 2001. – 358 с.
26. Матханова, Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 250 с.
27. Becker, S. Russia and the concept of empire / S. Becker // Ab imperio. – Казань, 2000. – №3/4.
28. Le Donne, J. Frontier governor general: 1772–1825. I. Western frontier / J. Le Donne // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 1999. – Bd. 47, H. 1.
29. LeDonne, J. Frontier governor general: 1772–1825. II. The Southern frontier / J. Le Donne // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 2000. – Bd. 48, H. 2.
30. LeDonne, J. Frontier governor general: 1772–1825. III. The Eastern frontier / J. Le Donne // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 2000. – Bd. 48, H. 3.
31. Свод законов Российской империи. – Т. 2. – Кн. 2. Учреждение властей и мест губернских. – Санкт-Петербург, 1857.
32. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56789, 56797, 56804.
33. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 1649, 5714, 6768, 24108, 27960, 3262.
34. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 943, 5794, 6313, 12831, 16897, 19469, 20835, 23442, 23656, 25056, 27020.
35. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 716, 7048, 7058, 7060, 7062, Д. 7073, 7074, 7075, 7087, 7098, 7099, 7102, Д. 7103, 7106, 7106, 7107, 7109, 7302, 7316, 7450, 7465.
35. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 2207, 2212, 2214, 2217, 2218, 2219, 2221, 2223, 2228, 2231, 2235, 2240, 2241, 2243, 2246, 2247, 2249, 2251, 2256, 2258, 2261, 2265, 2269, 2270, 2274, 2280, 2286.
36. ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28.
37. ГА РФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 2.
38. ГА РФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 1.
39. ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 1.
40. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1, т. 1. Д. 606-а.
41. ГА РФ. Ф. 973. Оп. 1. Д. 13.
42. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 9, 34.
43. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 185.
44. РГИА. Ф. 1338. Оп. 1. Д. 1505.
45. РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 2130.
46. РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 3552.
47. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1450.
48. Губернии Российской империи. История и руководители: 1708–1709. – Москва: Объединённая редакция МВД России, 2003. – 479 с.
49. Шилов, Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений: 1802–1917. Библиографический справочник / Д. Н. Шилов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. – 936 с.
50. Шилов, Д. Н. Члены Государственного совета Российской империи: 1801–1906. Библиографический справочник / Д. Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. – 992 с.
51. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. – 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. М. О. Акиншин, А. В. Ремнёв. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 992 с.
52. Берендс, Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года) (репринтное издание) / Э. Н. Берендс. – Москва: Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. – 280 с.

Сведения об авторе:

Злобин Юрий Петрович, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 3406-а, тел. (3532) 372572, e-mail: ir@mail.osu.ru

UDC 342.5 (045)

Zlobin Yu.P.

Orenburg state university, e-mail: ir@mail.osu.ru

SOCIALCULTURAL CHARACTERISTIC OF THE GENERAL-GOVERNOR'S CASE OF RUSSIA IN XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY

In article number and structure of the general-governor's case of Russian empire on a lot of positions are analyzed, their place in structure of administration managerial control is determined by the country, volumes of imperious powers are established and levels of general – governor's authority are allocated. Uniformity of personnel selection of the russian emperors is established concerning this group of the maximum managers which has led to its class isolation and corporatism.

Key words: Russia, XIX – the beginning of XX century, generals-governors, number and structure.